

Н.Г. Янова

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОТЕРАПИЯ: ПОНИМАНИЕ ПЕРВЕРСИЙ, НАСИЛИЯ И ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. Статья рассматривает современный взгляд на проблему криминального поведения в судебной психологии и психотерапии. На примере анализа перверсий показан принцип, основанный на понимании, а не наказании личности преступника. Судебная психологическая практика девиаций реализует превентивный подход и приводит к предотвращению, а не усилению преступности и насилия.

Ключевые слова: криминальное поведение, нарушения личности, перверсия, парафилия.

N.G. Yanova

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY: AN UNDERSTANDING OF PERVERSIONS, VIOLENCE AND CRIME

Abstract. The article considers a modern view on the problem of criminal behavior in forensic psychology and psychotherapy. On the example of the perversion analysis, the principle based on understanding, and not on punishing of the criminal is shown. The forensic psychological practice of deviations implements a preventive approach and leads to the prevention and not to an increasing in crime and violence.

Key words: criminal behavior, personality disorders, perversion, paraphilia.

Судебная психотерапия представляет сложную проблему даже в странах с многолетней историей ее включения в национальную службу здравоохранения и охраны психического здоровья. Но даже там, где работают не только с жертвой, но и преступником, действует система ложных стереотипов в форме примитивного отношения к психологии преступника и жертвы. Общественный стереотип рисует образ сильного преступника с чувством ненависти и агрессии, и слабой жертвы, свободной от любых негативных и враждебных чувств. Как результат предубеждений и предрассудков в правовой культуре, возникает проблема расщепления между жестким и часто бесполезным наказанием правонарушителей и мягким псевдопонимаем их жертв с оттенком недоверия и презрения. В обществе доминирует мощная и развитая культура обвинения, слабо действует культура заботы и отсутствует культура понимания, осмысления природы криминального поведения. Избавление от преступника вместо изучения его психологии сродни иммунологии, в которой вместо изучения возбудителей их просто уничтожают [1].

Пропедевтике часто предпочитают язык статистики: цифровые показатели уменьшения количества преступлений. Но рост количества рецидивов показывает, что проблема ресоциализации стоит очень остро, и решается неэффективно. Особенно в части профессиональной профилактики: отсутствует институт судебной психотерапии как системы психологической работы с преступниками и их жертвами. Но именно система треугольных отношений между пациентом, терапевтом и уголовным правосудием задает живой молекулярный уровень работы с судебной психопатологией не как психиатрической нозологией, а как с функциональным диагнозом личности, которую надо лечить, а не игнорировать, клеймить и наказывать. Исправить субъективную девиацию личности – значит, во многом предотвратить ее деструктивные последствия.

Объективно, предотвращение преступлений – иллюзия. Никто не может посчитать, как, когда и сколько преступлений было предотвращено. Статистику уровня преступности связывают с экономической, социальной, политической обстановкой, и почти никогда не берут в расчет психическое состояние людей. Но причина преступного поведения – личность. Не зря психоаналитики считают, что каждое убийство – это самоубийство, и наоборот. Психологическое и клиническое вмешательство в криминальное поведение – пример того, как психиатры и психотерапевты могут влиять на статистику преступности, работая с патологической мотивацией (вместо воровства или хулиганства находят более безопасный вид эмоциональной компенсации). С более тяжкими и жестокими преступлениями (изнасилования, сексуальные домогательства, убийства) все сложнее, и с позиции диагноза, и с позиции интервенций. Поиск ответа на вопрос о криминальной личности труднее формальных критериев ее вменяемости и дееспособности. Существуют разные подходы к судебной психотерапии в объяснении парадоксов криминального поведения. Но поскольку в основе лежат нарушения в структуре личности, рабочими являются те научные гипотезы, которые лучше работают с дисфункцией и патологией личности. Например, психоанализ легко показывает, как восприятие себя и других становится причиной смещений в понимании внутреннего – внешнего и плохого – хорошего.

Еще Фрейд обнаружил, что его пациенты начинают видеть в нем черты характера, принадлежащие людям из прошлого. Так родилась теория объектных отношений и все ее современные вариации. Случай, когда объективно хороший объект (друг и член семьи) становится объективно плохим (кто с нами плохо обращается) или субъективно плохим (лгуном, обманщиком, лицемером). Когда внешний объект становится проекцией множества внутренних объектов и вся махинация проекций и переносов осложняет жизнь человека, превращая в ад как внутренний, так и внешний мир. Аналитические теории привязанности показывают, как ранний негативный несознательный опыт (травмы и неадаптивное воспитание) приводит к сложному и патологическому поведению в будущем. Или как циркулярная природа извращенного мышления становится причиной

ненависти, мести, желания убивать, приносит чувства беспомощности и всемогущества. Модели терапии демонстрируют разную эффективность в попытках преодолеть субъективную трясину из хитросплетений лжи, правды, хитрости и искажений, и приносят в жизнь, как удовлетворение, так и отчаяние.

Особенно это относится к работе с пациентами sexual abuse, страдающими перверсиями (в терминологии терапевтов) или парафилией (в терминологии психиатров). Для такой личности свойственна широкая и глубокая клиническая палитра отношений между чувственным ощущением и мышлением. Перверсии представляют тот случай структуры личности, в котором нет однозначного соответствия между неправильным или нарушенным воспитанием и психически неуравновешенным состоянием, или когда заботливое и участливое воспитание обязательно приводит к сбалансированной зрелой взрослой жизни. Перверсии, скорее, ключ к пониманию иррационального, нелогичного и даже невысказанного в появлении той трещины, повреждения здорового рассудка, которая запускает состояние репроекции агрессии, от разрушительной до антивитаальной.

Перверсия, согласно автору данного термина, Р. Столлеру, есть сексуализированная агрессия [3] или эротическая форма ненависти, этиология которой предполагает опыт насилия или пренебрежения, что воспроизводится в отношениях к объектам, которых дразнят, бросают, совращают, унижают. Психологию перверта отличает, по мнению О. Кернберга, использование любви в интересах агрессии, происходящее в результате доминирования ненависти над любовью. Как считает Бретт Кар [4], такая инверсия возникает у жертв насилия со стороны Другого – того, кто должен был защитить.

Современный взгляд на этимологию перверсий отличает отказ от ее интерпретации как негатива невроза по Э. Гловеру, или психоза по М. Кляйн. А также отказ рассматривать ее как вариант сексуального отклонения (para – отклонение, philia – притяжение), классифицируемых по объекту (педофилия) или цели (садомазохизм). Отсутствие способности достигать близости в первертных отношениях связано с нарушением нормальной сексуальности, при котором вместо усиления напряжения и катексирования партнера (стремление к целостности), происходит снижение напряжения и декатексирование партнера (капсулированность). В понимании садизма, враждебности, агрессии как неизбежных спутников поведения перверта, Офра Эшель отсылает к греческой трагедии «Вакханки» для обоснования природы крайних негативных признаков первертных девиаций (трансвестизм, вуайеризм, эксгибиционизм, садомазохизм, каннибализм). Диагностические признаки перверсии (инкапсуляция, компульсивность, использование тела и «части партнера», эмоциональные трудности, дегуманизация) обеспечивают защиту от депрессии, скрывают суицидальные мысли и поддерживают границы идентичности. Перверсии выполняют разнообразные защитные функции, включая избавление от невыносимого напряжения и избавления от чувств беспомощности. Позволяют перенести чувство стыда и унижения на что-то другое. Пол Верхаге [5] в книге «Стремление быть нормальным и

другие расстройства» за главными атрибутами перверсии видит роль навязчивой сексуализации как главной компоненты защиты наряду с расщеплением и экстернализацией. Формирование навязчивого импульса личной сенсорной разрядки от внутреннего напряжения замещает у перверта «способность думать» и искажает «способность чувствовать». Роль эмоции в психопатологии перверсии и криминальном поведении трудно изучать.

Серьезное изучение перверсий происходило в 70-х годах (Х. Фогель, Д. Майерс, Р. Столлер, Ж. Шассе-Смирбель), но применение терапии перверсий в экспертно-криминалистической области началось сравнительно недавно (Э. Уэллдон, А. Мотц, Д. Миллар, Ф. Спадаро). Практически все авторы отмечают, что личность перверта находится в качелях первертного и непервертного внутреннего мира, ее эмоции одновременно являются и достоверными, и фальшивыми, поскольку ядром перверсии является обман. Инфантильное желание преуспеть в обмане уходит в нереализованные фантазии пубертата (быстрые и часто меняющие свой знак желаний-фантазии не находят себя в ориентированных достижениях зрелого человека, как в норме развития, а сохраняются и отыгрываются/реализуются в образе жизни). «Как будто» личность становится больше, используя злокачественный самообман как маниакальную защиту от хронической депрессии и чувства пустоты (делай вид, что все хорошо и все будет хорошо). Деструктивный способ самоуважения (против общества или конкретного человека) просто не использует мораль (она не имеет значения), главное – выживание, которое делает перверта более важным и благополучным. Многие терапевты считают, что творческий подход к первертным импульсам есть основа понимания морали перверта. Примерами служат истории из биографии известных людей (комик Билли Конолли), иллюстрирующих суть образа жизни перверта в метафорах «заигрывание с опасностью» и «танцы со смертью» [2]. Типичный вопрос, который ставят психологи в таких случаях: Какие внутренние мотивы подвигают человека к ролевой игре, в которой он может себя чувствовать легко уязвимым и подверженным постоянной и повторяющейся угрозе шантажа или разоблачения? Рискованное поведение только добавляет возбуждение, как возникает вероятность обнаружения. Иногда возникает ситуация угрозы благополучия жизни или даже самой жизни, но именно в эти моменты «на краю жизни и смерти» перверты обретают подтверждение о том, что живы. Психопатология личности перверта – садистичное и сверхконтролирующее Супер-Эго. Люди попадают не только во внешние, но и во внутренние ловушки. У них возникает ощущение двуличия и двойных стандартов, которое может усиливать последующее возбуждение под воздействием требованием Супер-Эго. Страх оказаться разоблаченным вместе с возникающим в фантазии последующим унижением приводит их в состояние возбуждения. Когда их ловят, несмотря на потерю лица, им становится легче от того, что становится видно, кем они являются на самом деле.

Понимание причин перевернутой моральной сферы кроется в дилемме публичное/личное. Перверсия прочно инкапсулирована от остальной части

личности, и перверт в глазах общества обладает силой. Внешняя угроза – потеря публичного лица. Внутренняя угроза – уязвимость Я. Настоящая опасность представляет шантаж и снаружи, и внутри, где Я стыдят, унижают, осуждают, наказывают. Личный симптом становится публичным. Наиболее часто раскаяние наступает в случаях, когда никто ничего не подозревает, а криминальное первертное поведение длится долго. Как писал К. Винникот, в антисоциальных наклонностях заключена надежда, а повторяющееся навязчивое отыгрывание – символический переключатель между жизнью и смертью. Правило терапии в том, что травмированные люди поступают с другими так, как поступили с ними, поскольку это способ обрести облегчение от страданий в надежде на понимание. Иногда они совершают антисоциальные поступки на протяжении многих лет, а потом вдруг делают это неуклюжим образом, как неосознанное желание быть пойманным. Вину преступников Фрейд трактовал как невротический симптом для изменений и лечения. Признание психопатологических особенностей – зарождение способности к пониманию. По мере осмысления человек становится небрежным и «попадается». Цель психотерапии – понимание правонарушителя и определение пути лечения, способа интервенции, отталкиваясь от сознательных и бессознательных мотивов преступного умысла. Она не снимает с него ответственности и не ищет оправданий. Скорее, напротив, добивается личной ответственности через осознание. Травма и насилие приводят не только к разрушительным последствиям, жизнь обогащается благодаря интеграции травм без угрозы идентичности. Групповая терапия лиц с антисоциальным поведением (имеющих отклонения в социальной и сексуальной сфере) похожа на «игры с динамитом» [1], но кто-то должен разминировать минное поле для общей безопасности, и логично, если это будет профессионал.

Литература

1. Уэлдон Э.В. Игры с динамитом. Индивидуальный подход к психоаналитическому пониманию перверсий, насилия и преступности. М.: Перо, 2017. 381с.
2. Weeldon, E. Dancing with death // British Journal of Psychotherapy. 2009. V. 2. P. 149-182.
3. Stoller, R. The Erotic Form of Hatred. New York: Pantheon, 1975.
4. Kahr B. Sex and the Psyche. London: Penguin, 2007.
5. Verhaeghe, P. On Being Normal and Other Disorders: The Manual for Clinical Psychodiagnostics. London: Karnac. 2008.